

МЕМУАРЫ ЕВРОПЕЙСКИХ И РУССКИХ ЖУРНАЛИСТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 19-20 ВЕКА КАК ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИСТОЧНИК

Секуляризация журналистской профессии и одновременно нарастающая тесная связь с другими смежными областями – в первую очередь литературой и политикой – вызвала накопление материалов особого документального характера. Речь идет о мемуарах тех, кто так или иначе был причастен к журнально-газетной работе. На наш взгляд, этот корпус документов чрезвычайно важен для понимания того, как на самом деле устроена данная сфера.

Сразу оговоримся. В России эти материалы стали появляться значительно позднее, чем в Европе. Причины понятны. Формирование российской журналистики по сравнению с европейской значительно «опаздывало». Выравнивание же наметилось лишь к середине XIX века.

В обсуждении данной темы возникает методологическая проблема: имеет ли смысл выделять мемуары журналистов в какой-либо отдельный тип источников, оправдан ли его «особый статус», или они могут рассматриваться в общей мемуарной категории, такой, к примеру, как мемуары актеров, ученых? Насколько правомерно считаться с тем «отпечатком», который оставляет профессия? Чем дополняют наше понимание мемуарные источники журналистов?

Понимая, что вроде бы предпосылок для подобной автономизации журналистских мемуаров немного, тем не менее все же рискнем предположить, что у такого рода мемуарных источников есть свои особенности, функции, которые эти документы ни с кем не разделяли. Причем они наблюдаются как в европейской, так и в отечественной традиции, только действуют они в по-разному, в разных контекстах. Эти документы касаются многих, их интерес рассчитан на разные пласты аудитории.

Сначала отметим некоторые совпадения европейских и русских мемуаристов, в той или иной степени, занятых в журналистской сфере. К ним можно отнести некоторый временной параллелизм, синхронность процесса, совершающегося как в отечественной, так и в европейской культуре, преимущественно англо-саксонской. В основном личное документирование собственного пребывания в сфере журналистики становится публичным фактом, переходит границы внутреннего, интимного, закрытого, домашнего пространства переписки примерно в одно и то же время – после череды европейских революций 1848–1855 гг., когда пресса вступила и технологически и содержательно в новую стадию развития.

Неизбежность рефлексии в новых условиях кажется очевидной. И эта журналистская рефлексия, скапливаясь, находила выход в специфике мемуарных публикаций.

Среди англоязычных изданий, щедро отдававших свои страницы для такого рода материалов был журнал *Edinburgh Review* (1802–1929). Там публиковались мемуары и письма Сиднея Смита, а также материалы о нем, Henry Brougham, основателей одного из самых влиятельных и серьезных журналов викторианской эпохи, названных Томасом Карлейлем, также сотрудничавшим с *Edinburgh Review*, – интеллектуальным романом. Именно там, в мемуарах и переписке, складывалась концепция интеллектуального журнала как философского романа.

Мемуары русских журналистов появляются нередко в 1870–1890-х годах в журнале «Исторический вестник». Публикуются как сериалы. Из номера в номер, с неизменным указанием: Продолжение следует. Мы рассмотрим прежде всего такие серийные публикации как воспоминания С. С. Окрейца, (1836 – после 1921), писателя, издателя, журналиста, автора более 10 романов, в которых история самым причудливым образом сочеталась с публицистикой. Он издавал журнал «Луч», еженедельник политики, литературы и общественной жизни и в 1880-х гг. публиковал там свои воспоминания, в которых, как он сам признавался, «раскрывал журнальные секреты и открывал карты своих романов». Особенно это касалось его романа

«Последние язычники. Роман из предрассветной эпохи 1840–50 гг.» о жизни западных губерний России накануне польского восстания (1870–1871).

И еще один цикл воспоминаний – это записки журналиста А. Е. Кауфмана в «Историческом вестнике». Любопытно, что при всей разнице биографий, опытов, судеб эти материалы строятся словно бы одной схожей канве и напоминают по своей сути единый плутовский роман, в котором герой-автор-этакий журнальный пикаро, перекаати-поле, который повествует о своих приключениях, похождениях по редакциям и наблюдениях за журнально-газетными нравами.

Ко второй половине XIX века, к 1860-70-м годам в России мир прессы обретает узнаваемые черты с большим временным отрывом от западной журналистики. Назвать их не так-то просто, поскольку они плотно связаны и переплетены со всеми сторонами социальной и культурной жизни, в которой литература занимает важное, но далеко не единственное место, а писатели фигурируют в палитре журналистских воспоминаний наравне с политиками, чиновниками, университетскими профессорами.

Воспоминания А. Е. Кауфмана, известного публициста последней трети XIX века, – характерный пример.

Его записки публиковались в «Историческом вестнике». Автор в самом начале оставляет существенное признание: несмотря на то, что у нас много и разнообразно печатались разнообразные документы личного и общественного характера, до сих пор у нас нет полноценной истории газетно-журнального дела в России. Журналисты много пишут о других, нередко задевая самолюбие известных персон своими расследованиями, вольным или невольным обнаружением фактов, подлежащих сокрытию, наносят ущерб репутации. Оттого они нелюбимы обществом, нередко

презираемы и гонимы. Журналисты – особая социальная каста. Кауфман даже местами склонен пуститься в рассуждения общего характера о жертвенном характере людей этой профессии, неизбежно терпящих несправедливые обиды. Но он вовремя останавливается, поскольку самый главный интерес для него и читателя – это обилие фактов и деталей.

Текст строится словно бы одной схожей канве и напоминают по своей сути единый плутовский роман, в котором герой-автор, этакий журнальный пикаро, перекасти-поле, повествует о своих приключениях, редакционных похождениях и попутно возникающих наблюдениях за журнально-газетными нравами. Установка на конкретное, осязаемое, предельную детализацию реальности, смачную подробность делает язык сухим, а повествование сжатым, динамичным. Повествование строится в духе старинных романов, каждая главка содержит «афишу» («Сотрудничество в еженедельнике и в газете «ОхЭ». – Издатель газеты и «этуаль» из кафешантана. – Заказ блинов через почтовый ящик газеты. – П. С. Усов – автор первой политической передовой статьи в русской печати. – Меры предосторожности редактора Греча. – Телеграмма о франко-прусской войне, отложенная за недосугом. – Литературные рестораны. – Д. Д. Минаев и бегство генерала. – Издатели судебной газеты»). «Афиша» – это анонс микротем, структурное предуведомление задают тематический и языковой ключ ко всему повествованию в целом, которое строится как кумулятивный ряд зарисовок, штрихов, напоминает современный «Декамерон», только посвященный реальному литературно-журнальному быту.

Доминирует образ «муравейника», в котором кишат разнообразные личности. Они оказываются то на гребне славы, в фокусе общественного внимания, то погружаются в пучины неизвестности. В этом повествовательном универсуме благодаря «беглой», быстрой речи автора-мемуариста в правах уравниены фигуры первой величины и совершенно безвестные люди. Масштаб и ракурс смещены. «Колесо обозрения» тождественно «колесу Фортуны». Анекдоты, притчи, мимолетные зарисовки – вот принцип портретирования персонажей.

В отличие от российских, европейские воспоминания журналистов содержат большее количество обобщений психологического, философского характера, они более отточены, неспешны, взвешены и в этом смысле литературны.

Российские журнальные мемуаристы, отошедшие по большей части от журнальных дел к моменту написания текста, тем не менее воссоздают атмосферу «кипящего котла», в том числе языкового, поскольку эти записи переполнены живыми диалогами, перебросом реплик, и тем самым воспроизводят иллюзию реального времени, а сами, и вслед за ними читатели находятся в роли участников или «включенных наблюдателей». Автор в момент создания текста – внутри процесса. Он словно бы возвращается к «делам давно минувших дней», но прошлое возвращает нам в «упаковке» настоящего. Отсюда спешка хроникера, несоразмерность деталей, языковая необработанность, «сырость», очерковость. Мемуары журналиста – это

рабочий инструмент, подстрочник, черновик, густой комментарий, который в свою очередь требует объяснений, новой расшифровки.

Мемуары журналистов-европейцев и русских журналистов имеют разные литературные родословные и в жанровом отношении ориентированы на разные романские типы. Европейцы воспроизводят тип философско-психологического романа.

Мемуары отечественных журналистов ориентированы скорее на жанр плутовского романа. Они воспроизводят принципы и языковую картину, на которую эта романная форма опирается и разрабатывает: принцип обозрения, перехода из одной точки пространства в другую, возможность добраться до «изнанки», вскрыть тайные пружины, предъявить публике то, что от нее скрыто, находится вне поля зрения. Мемуары журналистов, как описания в плутовском романе создают особую оптику наблюдения за реальностью. Язык в ней – один из главных инструментов. Кроме того, журналистские воспоминания – это фактографическое суфлерство и объяснение того, как складывалась мифология русской классики.